

Из заявления члена КПСС с марта 1919г. Набедрика С.Г.

... Приехав в конце октября в Ленинград, я Кирова не узнал, как будто человека подменили: вместо жизнерадостного, улыбающегося "Мируныча" - угрюмый, побледневший человек, мешко под глазами. Он был какой-то взвинченный, нервный. Часто в разговоре с ним чувствовалось, что он, слушая тебя, думает о чем-то своем далеком, потом переспрашивает и как бы внутренне извиняясь, просит повторить уже рассказанное, через какое-то время входит в колею разговора, оживляется и разговор принимает нормальный оборот.

В эти дни (конец октября 1934г.) почти каждый день и довольно подолгу сидел в кабинете у Кирова. ...

... Тогда же, сидя в кабинете, мне вспомнился один эпизод, который имел место примерно в июне-июле того же 1932г.

Собираясь в очередную поездку в Мурманск, Киров меня просил заехать в Хибиногорск, побывать в поселке, где жили тогда раскулаченные, познакомиться с системой оплаты труда, а главное бытовым устройством этих людей.

Когда я вернулся в Ленинград и доложил о положении в этом поселке, где все было сравнительно сносно, кроме жилищных условий, они были страшны (не стоит сейчас вспоминать все эти подробности), он весь съезжился, лицо посерело, он тут же вызвал Медведя, я продолжал свое сообщение по другим вопросам. Минут через двадцать приехал Медведь, Киров попросил повторить сообщение о Хибиногорском поселке. Медведь ничего не мог сказать, он не был в курсе этого вопроса. Киров взял его так в оборот, что Медведь только успевал вытирать пот с лица, он места себе не находил. Киров его не ругал, голоса не возвышал, не грубил. Он его только укорял в том, что он не в курсе дела как живет энное количество, которые ограничены в своих правах и не могут их отстаивать в этой холодной пустыне. Именно за этих людей мы должны отвечать больше, чем за обыкновенных советских людей. С каким терпением Киров умел убеждать. В эти октябрьские дни мне казалось, что он теряет эти способности. Я как-то спросил: Чудов, что с Сергей Мироновичем, не болен ли он? Чудов буркнул что-то нечленораздельное. Это означало, что он либо также недоумевал как и я, либо что-то знал, но не хотел, или не мог мне ответить.

Тогдашнее душевное состояние Кирова мне стало понятным ночью

1 декабря, когда радист на тральщике где-то в районе острова Кильдин нам сообщил эту страшную трагедию.

В годы 1933-34 гг. на третьем этаже Смольного бытовали, как бы точнее выразиться, антисталинские настроения. Я хочу, чтобы меня точно поняли и поясню. Речь не идет о генеральных вопросах в области промышленности, сельского хозяйства или внешней политики. Речь тогда шла о методах руководства и системе окриков Сталина, которых в Ленинграде не любили и не хотели к этим сталинским методам привыкать. Это относится главным образом к Чудову, Смородину, Кодацкому. Должен оговориться, все то, о чем речь пойдет ниже, не имеет никакого отношения к Кирову. Всякие "крамольные" высказывания, критика Сталина велась только тогда, когда Кирова не было на заседании бюро секретариата или в перерывах в чайной комнате (что за кабинетом Кирова). Каков был характер этих антисталинских настроений видно из следующих эпизодов.

Как-то на секретариате Чудов огласил какое-то письмо Сталина, адресованное только Ленинградскому обкому по сугубо хозяйственному вопросу. Чудов считал, что предложения Сталина в этом письме неправильны и вредны, что Сталин, видимо, получил одностороннюю информацию, сам не вник в сущность вопросов, поверил кому-то в аппарате, а вернее какого-то министра, заканчивая эти замечания, он заключил: мы не можем проводить ведомственной линии, перед нами важнее народное хозяйство, а не капризы министра, хоть и Сталин пишет.

Чудова возмущала не только неосведомленность Сталина по данному вопросу, а почему он не сам подписал письмо, а кому-то поручил факсимиле, а тот штампует. Мол, барин большой, не может сам подписать письмо Ленинградскому обкому, такая, мол, драгоценность, которую нельзя транжирить и пр., и пр.

Чудов, конечно, не стал реализовать сталинского письма, через неделю-другую начались окрики, вроде "привлечь к ответственности" или "отдать под суд". В ответ на эти окрики члены бюро начали цитировать "завещания" Ленина, а Петр Смородин знал завещание наизусть и умел подбирать цитату для каждого такого окрика.

Другой пример: точно не помню, но, видимо, в 1932 или начале 1933 г. приехал из Москвы некий Ахматов. Киров меня познакомил с ним и поручил проинформировать его о мурманских делах. После ухода Ахматова Киров мне сообщил след.: Ахматов видный украинский троцкист, один из руководителей подпольного троцкистского центра на Украине, как-то во-время словчил и сумел втереться в доверие к Сталину.

... вот и прислали Ахматова, причем, с рекомендательным письмом Сталина. Сергей Мироныч недвусмысленно дал понять, что он не особенно обрадован этому подарку, но придется его принять, только смотри в оба. Киров, как и каждый честный человек, не любил таких

Оформить Ахматова было поручено Чудову, он однако не особенно торопился. Чудов протянул с месяц, Ахматов сидел в гостинице и нервничал. Часто заходил узнавать, "что нового в Мурманске?". Ездил два раза в Москву "к Сталину жаловаться на Ленинградский обком". Чудов, конечно, хотел "тянуть" и дальше, однако под сильным нажимом из Москвы пришлось Ахматова водворить в Мурманский окружком. ...

... Кадацкий Иван Федорович был секретарем райкома одного из крупнейших районов Ленинграда. Не помню точно, в 1931 или в 1932 гг. его выбрали председателем Ленсовета. Его вызвал к себе Сталин, чтоб с ним познакомиться. Кадацкий как-то в кулуарах рассказывал об этом первом знакомстве, заключение этого рассказа было примерно таким:

"Я несколько раз слушал Ленина и я никогда в жизни не соглашусь с тем, что Сталин может быть руководителем моей партии и страны". Я еще раз со всей категоричностью подчеркиваю, что всякие такие "крамольные" разговоры имели место только тогда, когда Кирова не было поблизости.

Я мог бы множить эти факты, но думаю, что все это и без моих записок известно. То, что я пишу, это только еще одно живое свидетельство. Совершенно очевидно, что все эти разговоры дальше разговоров в Смольном на III-ем этаже не шли, однако также бесспорно, что все это не могло не дойти до ушей Сталина в извращенном и увеличенном виде. ...

... Очень часто в отсутствии Кирова Чудов часто выдвигал мысль, что настоящим вождем нашей партии должен был быть Сергей Мироныч, у него не только данные народного трибуна, но он один из лучших ленинцев и человек высокой гуманности, образованный марксист и т.д. Эта мысль в разных вариантах повторялась много раз из уст Чудова и часто Кадацкого.

Набедрик.

И	О
А	О
С	О
В	О
К	О
Л	О
М	О
Н	О
Р	О
С	О
Т	О
У	О
Ф	О
Х	О
Ц	О
Ч	О
Ш	О
Щ	О
Ъ	О
Ы	О
Ь	О
Э	О
Ю	О
Я	О